

— Что?! — Ван Сяошуай не мог принять оценку Цзянь Хуая. Почему других описывали как снег, скрывающий запах крови, формальдегида, свежих трупов и т. д. — всё звучало либо круто, либо пугающе — а он был просто «гриб»?

Он хотел возразить, но, увидев равнодушное выражение лица Цзянь Хуая, понял, что в его глазах он, возможно, даже меньше, чем гриб — разве что плесень в углу.

Ван Сяошуай втянул шею и покорно съёжился в угол, превратившись в молчаливый гриб.

Ши Чанфэн усмехнулся.

— Где ты научился стольким описательным словам? Обычно у людей нет возможности сталкиваться с таким количеством странных запахов, верно?

Что уж говорить о затхлости — формальдегид и свежие трупы... Разве что если кто-то работает в соответствующих сферах, обычные люди могут вообще никогда с этим не столкнуться. Как можно ассоциировать окружающих с подобными вещами?

— Да, откуда бы? Я и сам не помню, — спокойно ответил Цзянь Хуай.

Он снова достал маленький, но смертоносный кинжал, неосознанно крутя его между пальцев. Движения Цзянь Хуая были весьма искусными. Кинжал танцевал в его ладони, словно серебряная бабочка. Лезвие бесчисленное количество раз скользило над кожей, но он точно контролировал дистанцию, не оставляя ни единой царапины.

Пока кинжал вращался, Цзянь Хуай словно погрузился в воспоминания, его взгляд был устремлён в стену, но расфокусирован.

Ши Чанфэн подошёл к Цзянь Хуаю. Он увидел, как его зрачки сузились, будто он увидел что-то невероятно пугающее, а затем в них появилась решимость. Кинжал в левой руке перестал крутиться. Цзянь Хуай развернул его обратным хватом и легко провёл по воздуху перед собой.

Он уставился на след, оставленный кинжалом, и провёл языком по потрескавшимся губам.

Если бы кто-то не стоял прямо перед Цзянь Хуаем, внимательно наблюдая за его глазами, эти действия выглядели бы просто как умелое жонглирование кинжалом и попытка скопировать крутую атаку — не отличаясь от подростка, демонстрирующего своё мастерство в верчении ручки.

Но Цзянь Хуай...

Ши Чанфэн хлопнул в ладоши прямо перед его лицом. Звук «хлоп» вернул Цзянь Хуая в реальность. Он моргнул, словно очнувшись, и посмотрел на Ши Чанфэна.

— Что ты делаешь?

— О чём ты только что думал? — спросил Ши Чанфэн.

На лице Цзянь Хуая мелькнуло пустое выражение. Он покачал головой.

— Ни о чём.

Ван Сяошуай, который с любопытством последовал за Ши Чанфэном и наблюдал за всем этим: «...»

Неужели ему действительно придётся действовать сегодня ночью вместе с Цзянь Хуаем? Тот казался таким ненормальным!

Ши Чанфэн сделал вид, что ничего не произошло, засунул руки в карманы и сказал:

— Уже час дня. Предлагаю всем отдохнуть и сохранить силы для ночной операции. Я пойду вздремнуть в кабинет. Вам двоим тоже стоит отдохнуть.

Они разошлись. Ван Сяошуай отправился в комнату отдыха на третьем этаже и провёл беспокойный послеобеденный сон, весь в кошмарах. Ему снилось, что Цзянь Бохань внезапно превратился в монстра и погнался за ним. Он бежал и бежал, пытаясь спастись, но, оказавшись на крыше поликлинического корпуса, пути к отступлению не было.

Монстр приближался, и Ван Сяошуай, пятясь, шагнул в пустоту, падая вниз головой с высоты более двадцати этажей.

Ощущение невесомости заставило его закричать и проснуться. Он был весь в поту, в панике озираясь в тёмной комнате отдыха.

Ван Сяошуай посмотрел на телефон. Было восемь вечера; на улице уже стемнело. В комнате отдыха свет не горел — неудивительно, что было так темно.

Он включил свет, вытер пот и пошёл в туалет, чтобы умыться холодной водой.

— Сяошуай? — Его старший коллега, Фэн Юнсинь, вышел из туалета и удивился, увидев Ван Сяошуая всё ещё в больнице. — Разве у тебя не выходные? Почему ты всё ещё здесь?

— Я... поспорил с девушкой и не хотел её видеть, поэтому пришёл в больницу отдохнуть, — соврал Ван Сяошуай. У него даже не было девушки.

Фэн Юнсинь посмотрел на него с сочувствием и завистью.

— Тебе хотя бы есть с кем поспорить. Такой одинокий пёс, как я, даже не знает, где найти девушку.

— Хе-хе. — Ван Сяошуай, не умевший врать, неловко засмеялся.

— Ты планируешь остаться в больнице на ночь? — продолжил болтать Фэн Юнсинь, пока мыл руки.

— Ага.

— Тогда не шатайся без дела. Я сегодня слышал, что пациенты в нашей больнице — не живые люди. Днём они как куклы, вяло проводят время в больнице. А ночью оживают. Медперсонал, который случайно с ними столкнётся, становится таким же. — Фэн Юнсинь сказал это, как шутку.

Ван Сяошуай не ответил. В туалете слышался только шум текущей воды. Было всего восемь вечера; мало кто ложился спать так рано, но в больничном корпусе стояла зловещая тишина, будто кроме воды не было других звуков.

— Напугал? Ха-ха-ха-ха! — Фэн Юнсинь закрыл кран, брызнул водой в Ван Сяошуая и со смехом сказал: — Я просто пошутил. Зачем оставаться в больнице ночью? Если боишься, беги домой и мирись с девушкой.

— Братишка Фэн, ты сказал, что слышал это сегодня, да? — спросил Ван Сяошуай.

— Да, в столовой во время обеда. Кто-то за соседним столом сказал.

— Кто именно?

Фэн Юнсинь задумался.

— Тот, кто сидел рядом... был директор! Директор Цзянь — мастер пугать людей.

— Директор... разве его фамилия не Хуан? — пересохло во рту у Ван Сяошуая. Даже как новичок, он не мог забыть фамилию директора.

— Кто такое сказал? Всегда был Цзянь Бохань.

Фэн Юнсинь посмотрел на Ван Сяошуая, и его глаза перекатились. Это было не так, как обычно перекачиваются зрачки — скорее, словно глазные яблоки перевернулись спереди назад.

Ван Сяошуай сжал ручку крана, его рот открывался и закрывался, но он не мог вымолвить ни слова.

— У меня работа, некогда болтать. Тебе лучше идти домой, — сказал Фэн Юнсинь.

После его ухода Ван Сяошуай несколько секунд стоял в оцепенении, а затем бросился бежать в палату Цзянь Хуая.

— Цзянь Хуай, я только что видел... ик... видел, как у Фэн Юнсиня глаза... ик... ик... — от волнения его начало трясти, и он не мог говорить связно.

— Что ты увидел? — спросил Ши Чанфэн, который уже пришёл в палату к Цзянь Хуаю.

Ши Чанфэн уже снял белый халат. На нём была чёрная облегающая рубашка, подчёркивающая мышцы груди и рук. На правой руке — чёрная кожаная полуперчатка; на внутренней стороне ладони был противоскользящий рисунок, а на внешней — металлические пластины у основания пальцев. Удар такой рукой, должно быть, очень болезненный.

Его брюки тоже были чёрными, из прочной ткани, удобной для движения, немного напоминающей военную форму. Обувь — чёрная, предназначенная для активных действий.

Переодетый Ши Чанфэн казался готовым слиться с ночью. Каждое его движение скрывало в себе пугающую силу.

Ван Сяошуай перестал икать.

— Я встретил Фэн Юнсиня в туалете. Он выглядел как мертвец, и сказал, что директор третьей больницы — Цзянь Бохань. Но когда я подписывал трудовой договор, там стояла фамилия Хуан!

— Я тоже видел имя директора сегодня утром в регистратуре. Это был не Цзянь Бохань, — сказал Ши Чанфэн.

— Давайте проверим, — предложил Цзянь Хуай.

Цзянь Хуай по-прежнему был в белой рубашке и чёрных повседневных брюках, снова оставив больничный халат в стороне.

— Почему ты не носишь больничный халат? — наконец спросил Ван Сяошуай то, что давно его интересовало.

— Не нравится, — ответил Цзянь Хуай. — Когда надеваю его, чувствую себя настоящим психиатрическим пациентом.

Так вот почему этот парень прятал или выбрасывал каждый халат — тихо протестуя по-своему. Подумал Ван Сяошуай.

— То есть ты не считаешь себя пациентом? — задумчиво спросил Ши Чанфэн.

— Верно. Я не сумасшедший, — уверенно заявил Цзянь Хуай. Годами он метался между безумием и здравомыслием. Ношение халата казалось ему капитуляцией.

Ши Чанфэн сказал:

— Сяошуай, покажи мне ещё раз "три запрета".

Ван Сяошуай быстро достал телефон, открыл сообщение от Фэн Юнсиня и передал Ши Чанфэну.

— Третье: как бы ни было опасно, ни в коем случае не доверяй ни одному пациенту, — прочитал вслух Ши Чанфэн. — Сяошуай сказал, что нарушил все правила, но не знал, что значит "бездна", и всё ещё жив. Может, потому что на самом деле не нарушил третье правило?

Ван Сяошуай сказал:

— Я доверился Цзянь Хуаю прошлой ночью.

Ши Чанфэн ответил:

— Разве Цзянь Хуай — пациент? С твоей точки зрения и с точки зрения медперсонала — да, но сам он этого не признаёт. Здесь нужно пересмотреть определение "пациент". Чьё мнение важнее: окружающих, собственное или объективные факты?

Никто не ответил Ши Чанфэну. В комнате повисло тяжёлое молчание.

Ван Сяошуай вдруг снова вспомнил о Фэн Юнсине. Он нарушил тишину:

— Фэн Юнсинь только что рассказал мне страшилку — что среди пациентов этой больницы нет живых людей. Он сказал, что директор Цзянь случайно обмолвился об этом за обедом в столовой!

Если это правда, то являются ли эти пациенты вообще "пациентами"?

Никто не мог ответить на его вопрос. Охваченные сомнениями, они отправились в поликлинический корпус. По пути им встречалось много медперсонала, но никто не останавливал троих, не носивших ни медицинских халатов, ни больничной одежды.

Будто их никто не видел — все равнодушно занимались своими делами.

Они без проблем добрались до регистратуры. В списке известных врачей больницы имя директора теперь явно значилось как Цзянь Бохань!

— Почему оно изменилось? — беспомощно спросил Ван Сяошуай.

Цзянь Хуай задумчиво посмотрел на имя и фотографию. На снимке Цзянь Бохань в белом халате добродушно улыбался, излучая интеллектуальное обаяние.

— Это произошло сразу после того, как я выгнал Цзянь Боханя из палаты во время обеда, — спокойно сказал Ши Чанфэн, совершенно не смущённый странным явлением. — Давайте предположим, что он знает о "трёх запретах" и намеренно распространил страшилку в людном месте. Затем публично раскрыл свою личность как директора. Какова цель этих действий?

— Столько людей услышали эту историю — кто-то точно не сможет уснуть и будет об этом думать! А Фэн Юнсинь специально рассказал мне об этом. Они же не станут болтать об этом со всеми подряд, правда? — сказал Ван Сяошуай.

Трое были в недоумении. Проход между поликлиникой и больничным корпусом закрывался в девять вечера. Они вернулись в первый корпус до закрытия. Ван Сяошуай сбегал в кладовку, разобрал большую швабру и взял металлическую ручку в качестве оружия.

Он нашёл ещё несколько предметов и предложил их остальным. Цзянь Хуай даже не взглянул на Ван Сяошуая. Ши Чанфэн сказал ему просто защищать себя.

Втроём они стояли в коридоре четвёртого этажа, тихо ожидая полуночи.

Этой ночью должно было случиться нечто необычное. Как только часы пробили двенадцать, кнопки вызова не зазвонили. Вместо этого открылась дверь комнаты отдыха.

Фэн Юнсинь, дежуривший ночью, выкатил медицинскую тележку и громко крикнул, увидев их:

— Который час? Что вы тут шлёетесь?

С его криком все двери палат на четвёртом этаже одновременно распахнулись, и пациенты один за другим вышли наружу.

<http://bllate.org/book/13781/1216447>